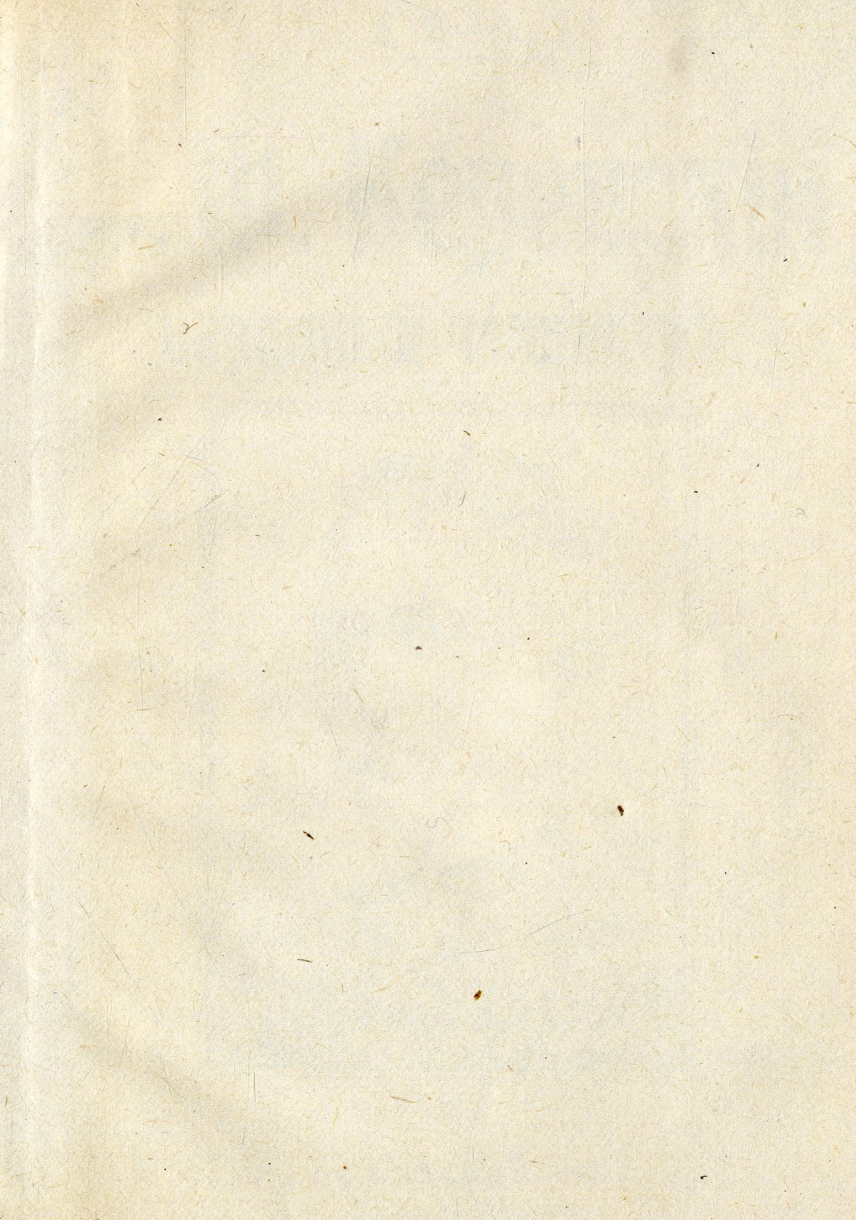


А.ф. Керенскій
НАРОДНЫЙ
МИНИСТРЪ



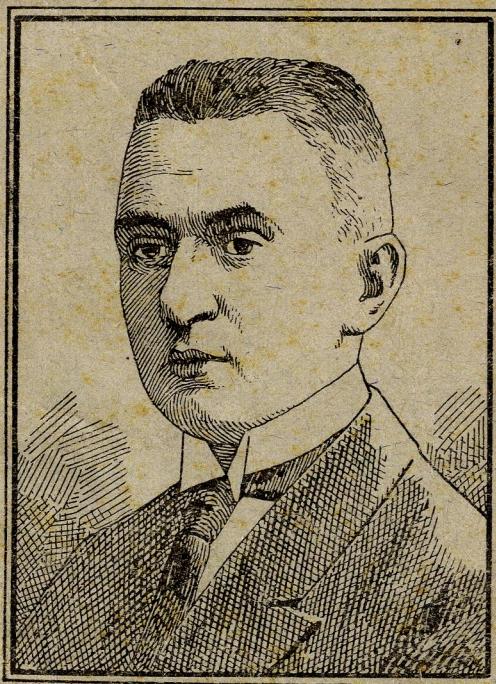


56

Е. В—чь.

160

А. Ф. Керенский народный министр.



Цена 50 коп.

ОДЕССА.

1917.

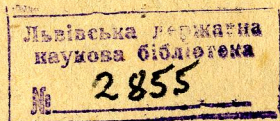
А. Ф. Керенскій народный министръ.

Керенскій.—1881 - 1905.—1905.—Политическіе процессы.—Четвертая Дума.—Великій канунъ.—27 февраля.—2 марта. Въ министерствѣ юстиціи.—Керенскій военный министръ.—Личность Керенскаго.



Секретный
Список
иностранных
авторов.

Складъ изданія
Книгоиздат. „Власть Народа“
М. И. Рудмана,
ОДЕССА, Дерибасовская, 12.—Тел. 45-51.



ОДЕССА.

Типографія «Печатное Слово», Гаванная, 6.

КЕРЕНСКІЙ.

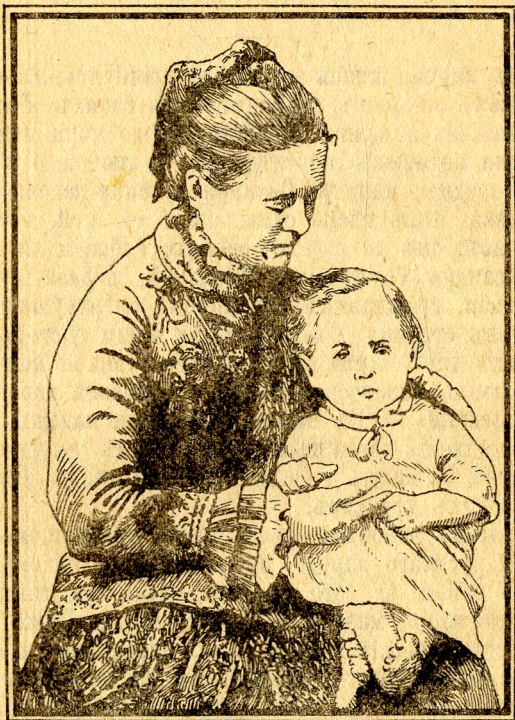
Когда мирная жизнь народовъ, повинуюсь незримому ходу историческихъ законовъ, выходитъ изъ своихъ береговъ—на гребнѣ пѣнящихся волнъ взбаломученнаго моря показываются люди, имена которыхъ впослѣдствіи съ любовью и гордостью хранить народная память. Великая русская революція создала уже человѣка, такъ тѣсно слившагося съ ней, что не разберешь подчасъ: онъ ли ведетъ событія, событія ли ведутъ его. Это—Александръ Федоровичъ Керенскій, первая любовь свободной Россіи, гражданинъ, отиѣнившій смертную казнь, вождь «батальоновъ смерти». Съ нимъ были наши восторги первыхъ прекрасныхъ дней марта, когда торжествующая колесница русской революціи, казалось, пошла по ровной дорогѣ «liberté égalité, fraternité» *). Съ нимъ были наши надежды въ темные дни апрѣля и іюня, когда къ молодой свободѣ тянулись со всѣхъ сторонъ руки бывшихъ городовыхъ, нѣмецкихъ наемниковъ и просто русскихъ дураковъ.

Объ этомъ человѣкѣ, такъ тѣсно связавшемъ свое имя съ судьбой русскаго народа, русскій народъ знаетъ мало. Его жизнь, его работа до того момента, когда онъ сталъ во главѣ русской революціи, мало кому неизвѣстны. Ниже мы даемъ краткій біографическій очеркъ А. Ф. Керенскаго и наброски о его революціонной дѣятельности. Эта дѣятельность стала уже достояніемъ исторіи. О ней будутъ черезъ десятки и сотни лѣтъ писать книги, монографіи и изслѣдованія. Для того, чтобы охватить умственнымъ взоромъ величественныя событія и фигуры, мы должны отойти отъ нихъ на много лѣтъ. Сейчасъ можно нарисовать только профиль того, чей портретъ нарисуетъ исторія.

*) Свобода, равенство и братство.

1881—1905.

Личная жизнь А. Ф. Керенского, какъ жизнь многихъ великановъ мысли и дѣла, бѣдна внѣшними событіями. Онъ какъ будто берегъ себя для огромнаго дѣла, чтобы сжечь всю



Керенскій ребенокъ—на рукахъ у матери.

свою энергію и силу потомъ, на огнѣ всероссійскаго пожара. Его біографія—біографія обыкновеннаго русскаго интеллигента.

А. Ф. Керенскій родился 22 апрѣля 1881 года въ Симбирскѣ, въ семьѣ директора вазенной гимназіи Федора Михай-

ловича Керенскаго. Получивъ первоначальное образованіе дома, онъ готовился поступить въ гимназію, директоромъ которой состоялъ его отецъ, когда послѣдній былъ неожиданно переведенъ въ Ташкентъ, на должность попечителя учебнаго округа. Это было въ 1889 году. «Саша Керенскій» поступилъ въ Ташкентскую гимназію и окончилъ ее въ 1899 году. Тогда же онъ переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на юридическій факультетъ тамошняго университета.

И въ университетѣ жизнь А. Ф. Керенскаго не уходила отъ обычнаго русла студенческаго бытія. Заинтересованный еще въ послѣднихъ классахъ гимназіи политическими и социальными вопросами, онъ въ Петербургскомъ университетѣ выработалъ свое міросозерцаніе, стройную систему мышленія, которая и вывела его на путь чести, славы и спасенія Россіи.

Эпоха, въ которую Керенскій учился въ университетѣ, была одной изъ роковыхъ вѣхъ на пути русской интеллигенціи. Голодный 1900 годъ революціонизировалъ ее, напомнилъ ей о народѣ и толкнулъ въ народъ. Увлеченный этой волной, Керенскій присталъ къ тому берегу, на которомъ было написано — «въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое». Онъ сталъ социалистомъ-революціонеромъ, и подъ знакомъ этой двуединой формулы прошла его работа въ бурномъ 1905 году.

III.

1905.

Керенскій окончилъ университетъ въ 1904 году. Онъ не успѣлъ начать своей дѣятельности юриста—записавшись помощникомъ къ прис. пов. Александрову—какъ налетѣлъ шеваль 1905 года. Примыкая къ партіи эсеровъ, Керенскій вмѣстѣ съ ней перенесъ всѣ невзгоды «пятого года». Несмотря на строгую конспирацію, несмотря на то, что партія берегла А. Ф., чуя въ немъ незаурядную силу, онъ былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму. Тяжелыхъ уликъ, однако, не оказалось, и будущій министръ юстиціи Россіи былъ выпущенъ изъ русской тюрьмы. Къ этому времени буря прошла и русскій народъ былъ облагодѣтельствованъ Николаемъ II—манифестъ 17 октября даровалъ ему свободу и парламентъ. Партія социалистовъ-революціонеровъ, однако, разглядѣвъ, какія «свободы»

счелъ за благо дать русскому народу послѣдній Романовъ, отказалась отъ участія въ своеобразномъ російскомъ парламентѣ—Государственной Думѣ. Выполняя этотъ бойкотъ, А. Ф. Керенскій не принималъ участія въ выборахъ въ первую Государственную Думу.

Когда эта Дума была распущена, эс-эры рѣшили перемѣнить тактику и войти во вторую Думу, считая, что пропагандой изнутри они могутъ сдѣлать больше, чѣмъ молчаливымъ бойкотомъ. Для подготовки къ выборамъ была создана въ Петербургѣ особая организація социалистовъ-революционеровъ, душой которой сталъ А. Ф. Керенскій. Его самая партія по тактическимъ соображеніямъ не выдвигала въ депутаты. Извнѣ, однако, онъ принималъ самое живое, самое дѣятельное участіе какъ въ выборахъ, такъ и впослѣдствіи въ жизни эс-эровской фракціи второй Государственной Думы.

IV.

Политическіе процессы.

Весна и лѣто первой русской революціи миновали. Были разогнаны обѣ первыя Думы, были разгромлены социалистическія думскія фракціи, изъ столыпинской кухни было предпринято Россіи отвратительная стряпня—законъ 3 іюня 1907 г., Этотъ законъ, основанный самъ на беззаконіи (ибо Николай II, по наущенію Столыпина, измѣнилъ въ отсутствіи Госуд. Думы основные избирательные законы) долженъ былъ дать правительству послушную помѣщичью, чиновничью и поповскую Думу. Такъ оно впослѣдствіи и вышло. Пока же правительство рѣшило расправиться съ тѣми, кто въ 1905 году вырвалъ изъ рукъ бюрократіи манифестъ 17 октября и кто въ первыхъ двухъ Думахъ отважно и громко говорилъ правду. 1907—1913 годы—годы тяжелой, мрачной реакціи, годы похмелья послѣ недолгаго пира свободы. Прежде всего царскіе палачи расправились съ депутатами-социалистами первой и второй Думъ. Надъ ними судъ былъ коротокъ, и они были сосланы въ Сибирь, по тюрьмамъ и на каторгу. Нѣкоторые были казнены. А затѣмъ по всей Россіи пошла свистопляска военныхъ и уголовныхъ судовъ, жалкая пародія на правосудіе. Каждый день въ газетахъ печатались телеграммы: «въ Казани—6, въ Москвѣ—10,

въ Томскѣ—8». Это были цифры казенныхъ по приговорамъ военныхъ судовъ за политическія преступленія. Угнанныхъ же на каторгу по приговорамъ уголовныхъ судовъ нельзя было и счесть.

Въ эту темную и глухую ночь реакціи принесть гонимымъ братьямъ свою любовь и трудъ А. Ф. Керенскій. Онъ оставилъ свою практику молодого, талантливаго адвоката и всецѣло отдался политическимъ процессамъ. Рѣдкій ихъ нихъ обходился безъ Керенскаго въ качествѣ защитника. Надо ли говорить о томъ, что его роль въ этихъ процессахъ была тяжелой, подчасъ трагической. Приходилось выступать передъ судьями, заранее предрѣшившими исходъ процесса; передъ судьями, глухими къ доводамъ сердца, логики и даже правосудія; передъ судьями, дѣлавшими себѣ на суровыхъ приговорахъ карьеру. Защитники подсудимыхъ находились при этихъ условіяхъ въ положеніи людей, принужденныхъ прошибать лбомъ каменную стѣну. Керенскій переживалъ это положеніе особенно остро, ибо на скамьѣ подсудимыхъ сидѣли люди, бывшіе не только его подзащитными: тамъ сидѣли его партійные соратники, боевые товарищи, иногда личные друзья. Керенскій боролся за нихъ до послѣдней возможности, съ отчаяніемъ одного противъ всѣхъ, безъ надежды на торжество правды и справедливости.

Особенно тяжелымъ былъ для него процессъ дашнакцитуновъ. (Такъ называли себя армянскіе социаль-революціонеры). Даже въ ту темную пору щегловитовскаго правосудія этотъ процессъ вызывалъ возмущеніе неправдой, на которой онъ былъ построенъ. Свора царскихъ чиновниковъ—слѣдователей, прокуроровъ и судей—желая выслужиться, создала этотъ процессъ изъ лжи и подлоговъ. Къ дѣлу было привлечено много людей, совершенно къ партіи непрічастныхъ. Керенскій со всѣмъ пыломъ адвоката и революціонера бросился къ обличенію судей неправедныхъ. Онъ неоспоримо доказывалъ подлоги въ судебныхъ документахъ—подчистки, подправки, измѣненія; экспертиза удостовѣрила, что они сдѣланы рукой одного изъ слѣдователей. И все же Керенскому приходилось бороться съ той же каменной стѣной. Предсѣдатель суда не давалъ ему говорить, обрывалъ его на полусловѣ, когда разоблаченія становились слишкомъ серьезными; грозилъ ежеминутно вывести его изъ зала; дѣлалъ рѣзкія замѣчанія во время хода процесса. Передъ потрясеннымъ заломъ проходила картина героической

борьбы безоружнаго съ вооруженнымъ, борьбы права съ силой, борьбы съ — увь! — предрѣшеннымъ результатомъ...

Когда черезъ десять лѣтъ повернулось колесо исторіи, и присяжный повѣренный Керенскій сталъ министромъ юстиціи свободной Россіи, этотъ самый предсѣдатель суда, бывшій въ то время старшимъ предсѣдателемъ судебной палаты въ одномъ изъ крупныхъ южныхъ городовъ, почувствовалъ внезапный приливъ раскаянія и отправилъ Керенскому докладъ, въ которомъ просилъ извинить его поведеніе на процессѣ «дашнакцютунъ» и объяснялъ его «стремленіемъ найти истину». Керенскій немедленно вызвалъ раскаявшагося предсѣдателя въ Петроградъ и заявилъ ему, что бояться нечего. Революція не мститъ — она только заставляетъ уйти тѣхъ, кто ей врагъ. Предсѣдатель вернулся въ свой городъ и прислалъ оттуда прошеніе объ отставкѣ.

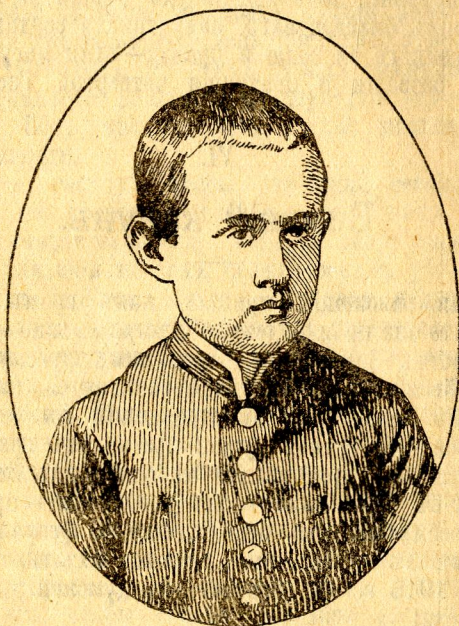
Другимъ выдающимся дѣломъ Керенскаго — адвоката было «Лена». Даже третья Государственная Дума была потрясена сообщеніемъ о массовомъ разстрѣлѣ рабочихъ Ленскихъ золотыхъ приисковъ, предъявившихъ экономическія требованія. Въ отвѣтъ на гнѣвный запросъ с.-д. фракціи министръ юстиціи Макаровъ сказалъ въ Думѣ свое знаменитое «такъ было, такъ будетъ». Тогда на Лену командировано было нѣсколько адвокатовъ, въ томъ числѣ и Керенскій, для правдиваго разслѣдованія дѣла. О результатахъ своей поѣздки Керенскій сдѣлалъ подробный докладъ въ Думѣ. Кромѣ того, онъ выпустилъ о томъ же книгу, конфискованную цензурой.

У.

Четвертая Дума.

Работа Керенскаго въ четвертой Думѣ — одна изъ славныхъ страницъ его жизни. Пройдя въ російскій парламентъ подъ флагомъ «трудоува» — ибо социаль-революціонерамъ уже не было мѣста въ четвертой Думѣ — онъ сдѣлался совѣстью четвертой Думы, однимъ изъ немногихъ ея свѣтлыхъ фигуръ. Въ моменты, когда недоношенный русскій парламентъ бывалъ подавленъ презрѣніемъ и надменностью министерской логи, когда царскіе холопы съ трибуны Государственной Думы бро-

если народнымъ представителямъ оскорбительныя пощечины, вродѣ знаменитаго «такъ было, такъ будетъ» — одинъ только голосъ звучалъ неизмѣнно твердо, непрерывно смѣло и всегда увѣренно. Это былъ голосъ А. Ф. Керенскаго. Когда онъ появлялся на трибунѣ, въ моменты самой жгучей обиды, въ дни народного гнѣва — весь залъ зналъ, что сейчасъ правительство получить достойную отвѣдь, услышитъ слова правды и гнѣ-



Керенскій — гимназистъ II кл.
Ташкентской гимназіи въ 1892 г.

ва — хотя всѣ знали и то, что оратора будутъ прерывать и холопскіе крики справа, и звонокъ предсѣдателя сверху. Россія до сихъ поръ не знаетъ рѣчей Керенскаго — депутата. Онъ тщательно вырѣзывались цензурой изъ стенограммъ. Изданная трудовой группой книга «Дѣятельность фракціи трудовой группы въ четвертой Государственной Думѣ» была также конфискована. Когда же эти рѣчи станутъ достояніемъ широкой

публики — вѣроятно, это будетъ сдѣлано въ ближайшемъ будущемъ — ясна станетъ та огромная работа, которую дѣлалъ Керенскій въ четвертой Думѣ, будя народную совѣсть, пробивая голыми руками брешь въ стѣнѣ царскаго режима. Въ этой титанической борьбѣ одного противъ всѣхъ нерѣдки были и трагическіе моменты—когда безвольное большинство затыкало ротъ глашатаю народной правды, голосуя его исключеніе на нѣсколько засѣданій за какой-нибудь рѣзкій выпадъ, за вырвавшійся крикъ благороднаго, измученнаго сердца. Пять лѣтъ борьбы Керенскаго за волю и правду—одни могутъ оправдать пять лѣтъ безволія и безправія четвертой Государственной Думы.

VI.

Великій канунъ.

Русская революція пришла, какъ громъ, какъ буря. Всѣ знали, что она произойдетъ. Но когда именно—никто предугадать не могъ. Загадоченъ былъ ликъ русскаго народа, и кому дано было знать—когда переполнится чаша великаго терпѣнія? Но Керенскій, олицетворявшій въ четвертой Думѣ народную совѣсть, чуткой душой предвидѣлъ грядущую бурю. Пусть то, что онъ предугадалъ въ одной изъ своихъ послѣднихъ рѣчей въ Думѣ даже срокъ революціи—простое совпаденіе. Но несомнѣнно, что онъ задолго до февральскихъ событій уже слышалъ внутреннимъ слухомъ ихъ тяжелую поступь. 16 декабря 1916 г. онъ бросаетъ съ думской трибуны такія гнѣвные слова:

«Власть сидитъ на концѣ солдатскаго штыка. При этихъ условіяхъ нельзя больше бороться законнымъ способомъ, нельзя бороться на основаніи статей закона. У насъ нѣтъ оружія въ рукахъ, ибо законные способы другой стороной не признаются. Намъ представленъ законный способъ, ибо онъ никому не мѣшаетъ. Но помните—если власть пользуется законнымъ аппаратомъ государственнаго управленія только для того, чтобы насиловать страну, чтобы вести ее къ гибели, то первая обязанность гражданъ — этому закону не подчиняться».

Эта рѣчь, прозвучавшая для протопоповскаго правительства первымъ громомъ надвигающейся грозы, вызвала расте-

ряность и злобу среди носителей власти. Тогдашній председатель совѣта министровъ кн. Голицынъ обратился даже къ Родзянкѣ съ просьбой прислать ему полную и точную стенограмму рѣчи Керенскаго. Изъ найденныхъ послѣ революціи въ кабинетѣ Протопопова бумагъ выяснилось, что правительство рѣшило привлечь Керенскаго къ уголовной отвѣтственности. Судьбѣ угодно было, однако, заставить Керенскаго и Протопопова обмѣняться ролями.

Еще рѣзче ударила по сердцу Россіи рѣчь Керенскаго, произнесенная имъ въ первый день послѣдней думской сессіи—15 февраля 1917 года. Въ этихъ рѣчахъ гнѣвъ народнаго избранника поднимается до павоса, предчувствіе его—до вершинъ ясновидѣнія. Вотъ, что говорилъ за двѣ недѣли до великой русской революціи:

«Я хочу, господа, чтобы эта наша сессія и эти дни прошли бы при полномъ сознаніи величайшихъ страданій и величайшей отвѣтственности, которая скоро падетъ на насъ всѣхъ, безъ различія нашихъ политическихъ убѣжденій».

Въ этихъ словахъ звучитъ глубокая мудрость государственнаго дѣятеля, который не только предчувствуетъ революцію—ее тогда предчувствовалъ уже любой передовикъ провинціальной газеты—но и предугадываетъ ея общенародный характеръ. Керенскій какъ будто видѣлъ уже внутреннимъ окомъ гигантскій шквалъ, который черезъ 2 недѣли слилъ воедино всѣхъ гражданъ, «безъ различія политическихъ убѣждений».

«Я бы хотѣлъ,—говорилъ онъ дальше,—чтобы въ этотъ послѣдній моментъ передъ великими событіями лѣта мы до конца посмотрѣли бы на свое ближайшее будущее, и въ послѣдній разъ спросили себя; можемъ ли мы дѣйствительно что-нибудь сдѣлать, чтобы спасти народное достояніе, наслѣдіе прошлаго, которое попало въ наши руки? Если вы забудете, что сидите въ стѣнахъ Таврическаго дворца, куда чрезвычайно плохо доходятъ подлинныя звуки жизни, куда боль и страданіе народа достигаютъ въ отраженномъ и изломанномъ видѣ; если вы вспомните подлинную жизнь; если вы посмотрите на то, что окружало васъ двѣ недѣли назадъ—вы поймете, господа, что страна уже находится въ хаосѣ, что мы переживаемъ небывалую въ историческія времена жизни нашей родины смуту, предъ которой время 1613 года кажется дѣтскими сказками».

Дальнѣйшія слова послѣ этого рокового признанія падаютъ тяжелыми ударами на тѣхъ, кто глухъ и нѣмъ передъ наступающими событіями:

«Передъ вами та самая картина, которую переживала Франція во время великой революціи. Этотъ хаосъ налицо передъ вами, и я спрашиваю васъ—есть ли у васъ сознаніе и чувство политической отвѣтственности въ этотъ историческій моментъ подчинить свои личные и классовые соціальные интересы единству, единымъ интересамъ государства? — Я вамъ скажу: этого сознанія у васъ еще нѣтъ!»

Но кто же велъ Россію къ гибели? Керенскій пальцемъ указываетъ народу на виновниковъ его страданій:

«Посмотрите, господа, на этотъ хаосъ. Посмотрите, что дѣлала власть. Намъ говорятъ—правительство виновато, виноваты люди, которые какъ тѣнь, приходятъ и уходятъ. Но кто же тѣ, кто приводитъ сюда эти тѣни? Развѣ отвѣчаютъ эти маріонетки, которыя приходятъ сюда для того, чтобы уйти? Гдѣ же эта реальная власть, гдѣ эти люди, фактически ведущіе насъ къ гибели? Не въ васъ, маленькіе людишки, которые свои личные интересы даже въ такой историческій моментъ жизни предпочитаютъ интересамъ государства, не въ васъ дѣло, а въ вашихъ хозяевахъ. Хозяина нужно найти! Гдѣ онъ—тотъ, который приводитъ сюда этихъ людей?»

И съ безумствомъ храбрыхъ—ибо въ тѣ дни такія слова были безумствомъ,—въ паосѣ великаго гнѣва бросаетъ Керенскій потрясенному залу:

«Я свободно говорю объ этомъ. Вы знаете, что я по политическимъ и личнымъ убѣжденіямъ раздѣляю мнѣніе партіи, которая на своемъ знамени ставила открыто возможность террора, возможность вооруженной борьбы съ отдѣльными представителями власти, принадлежу къ партіи, которая открыто признавала необходимость тиранноубійствъ».

И въ отвѣтъ на замѣчаніе перепугавшагося председателя о недопустимости подобныхъ заявленій съ трибуны, Керенскій далъ такую благородную реплику:

«Я говорю о томъ, что дѣлалъ въ классическія времена гражданинъ Брутъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я отрицаю способы затемненія человѣческаго сознанія и направленія негодованія народа по адресу ничтожныхъ и мало въ чемъ виновныхъ людей».

Палачамъ народной свободы Керенскій послалъ послѣднее предупрежденіе:

«Вы не хотите выслушать никого, кромѣ себя. Но вы должны выслушать насъ, потому что если вы не услышите теперь предостерегающаго голоса, то вы встрѣтитесь уже не съ предупрежденіемъ, а съ фактами. Посмотрите же эти зарницы, которыя начинаютъ полосовать здѣсь и тамъ небосклонъ Россійской имперіи. Энергія власти не остается безплодной. Она вноситъ развалъ и въ массу, и горе всѣмъ намъ, если мы не сумѣемъ во время понять, что не на словахъ, а на дѣлѣ нужно попытаться войти въ контактъ съ демократіей. Будьте осторожны съ народной душой. Масса живетъ той же жизнью, что и вы. Она также безропотно и безтрепетно владеть свои головы на рубежахъ Запада и Востока, наконецъ, она переноситъ жесточайшія лишенія, которыхъ вы вовсе не знаете, и когда рѣшается ея будущее, она хочетъ сказать свое слово».

Безвольному большинству четвертой Гос. Думы были посвящены послѣднія слова исторической рѣчи:

«Какъ можно прикрывать свое бездѣйствіе исполненіемъ закона, когда ваши враги не прикрываются закономъ, а открыто насмѣхаясь надъ всей страной, издѣваясь надъ вами, каждый день нарушаютъ законъ! Съ нарушителями закона есть одинъ только путь—путь физическаго ихъ устраненія!»

Голоса революціи, прозвучавшіе въ этой потрясающей рѣчи, не явились результатомъ одного только предчувствія, предвидѣнія. Керенскій весь вошелъ въ подготовительную работу, и тѣмъ, кому кажется, что его участіе въ революціи началось лишь 2 марта, мы предлагаемъ прочесть слѣдующій документъ—донесеніе, посланное въ августъ 1916 года начальникомъ петроградскаго охраннаго отдѣленія министру внутреннихъ дѣлъ:

«Происходящія въ настоящее время на политической почвѣ забастовки рабочихъ, а также волненія среди нихъ являются результатомъ революціонной дѣятельности членовъ социаль-демократической и трудовой фракціи Гос. Думы, и, главнымъ образомъ, лидера послѣдней, присяжнаго повѣреннаго Керенскаго. Революціонная дѣятельность Керенскаго выразилась въ лозунгѣ: «борьба за власть и за учредительное собраніе» и сводилась къ систематическому дискредитированію въ глазахъ массъ правительственной партіи.

Для успѣха этихъ требованій Керенскій рекомендовалъ рабочимъ устраивать явочнымъ порядкомъ собранія на улицахъ и заводахъ, создавать заводскіе коллективы для образованія, по образцу 1905 года, совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, чтобы въ извѣстный моментъ направить движеніе въ опредѣленную сторону, имѣя лозунгомъ созывъ учредительнаго собранія, которое и должно взять въ свои руки оборону страны. Для вящаго успѣха своей агитаціи Керенскій распространяетъ среди рабочихъ слухи, что имъ получается масса писемъ изъ провинціи съ требованіемъ сверженія дома Романовыхъ и взятія власти въ свои руки.

«Изложенная преступная дѣятельность Керенскаго привела къ тому, что настоящее стачечное движеніе, несмотря на протестъ социаль-декратовъ ленинскаго толка, имѣло успѣхъ лишь потому, что социаль-демократы ликвидаторы и социаль-революціонеры народники опредѣленно отвѣчали, что «ихъ думскіе депутаты уже болѣе недѣли стучатся въ пролетарскія двери въ поискахъ сочувствія и поддержки, и что было бы преступно со стороны представителей пролетаріата не поддерживать депутатовъ».

«Предполагая въ цѣляхъ пресѣченія дальнѣйшей революціонной дѣятельности произвести аресты наиболѣе активныхъ революціонныхъ дѣятелей, прошу указать, какъ надлежитъ поступить въ отношеніи главнаго руководителя настоящаго революціоннаго движенія, члена Государственной Думы Керенскаго».

Эта страничка недавняго прошлаго ярко и выпукло рисуетъ роль Керенскаго въ великій канунъ революціи. Онъ не только возглавляетъ торжественный и тревожный, побѣдный и колеблющійся ходъ ея въ весну и лѣто 1917 года. Его кирпичи лежатъ въ фундаментъ революціи, который закладывался давно и особенно прочнымъ сдѣлался въ дни европейской войны, скрѣпленный, какъ цементомъ, кровью русской демократіи.

VII.

27 февраля 1917.

25 февраля Николай Романовъ «повелѣтъ соизволилъ» распустить Государственную Думу. Населеніе Петрограда отвѣ-

тило на этотъ актъ вооруженнымъ возстаніемъ. 26 февраля и утромъ 27-го толпы рабочихъ ходили по улицамъ съ революціонными знаменами. Жандармы и городовые, засѣвъ на крышахъ и чердакахъ, обдавали народъ ливнемъ пулеметныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ. Въ Таврическомъ дворцѣ происходило экстренное засѣданіе совѣта старѣйшинъ Государственной Думы, обсуждавшее вопросъ — подчиниться или не подчиниться указу Николая. Послѣ горячей рѣчи Керенскаго рѣшено было депутатамъ не расходиться, а оставаться на своихъ мѣстахъ.

Положеніе было невыносимо острымъ. Россія ходила на грани пропасти, въ которую она неминуемо должна была свалиться, если бы русская армія не поддержала революціонную демократію. Отъ вопроса — на какую чашу вѣсовъ бросить свой мечъ даже одинъ только гарнизонъ Петрограда, зависѣли въ тотъ незабываемый день судьбы русской революціи. И въ этомъ напряженномъ ожиданіи въ кабинетъ, гдѣ засѣдалъ совѣтъ старѣйшинъ Гос. Думы, ворвался депутатъ съ крикомъ:

— Войска идутъ!

Двадцать пять тысячъ вооруженныхъ солдатъ шли къ Таврическому дворцу. Для чего? Для того, что-бы не оставить, по приказу царя, камня на камнѣ отъ крамольнаго гнѣзда, или для того, чтобы принести благоую вѣсть освобожденія народа и раскрѣпощенія арміи? Не отъ кого было ждать отвѣта. Онъ приближался оттуда, съ гуломъ солдатскихъ шаговъ и везомыхъ пушекъ.

Въ этотъ моментъ высшаго напряженія нервовъ и чувствъ, когда въ души засѣвшихъ въ Думѣ горети депутатовъ стало заползать леденящее сомнѣніе — на крыльцо Таврическаго дворца къ подходившимъ войскамъ выскочилъ худенькій человекъ, блѣдный какъ смерть, безъ шапки. Это былъ А. Ф. Керенскій. Войска подошли...

— Товарищи!

Загадки больше не было. Тяжелыя сомнѣнія ушли, и громовое ура потрясло души людей великой радостью. Дѣло революціи было выиграно. Не отъ того, конечно, оно было выиграно, что Керенскій выбѣжалъ къ солдатамъ. Но не зналъ же этотъ маленькій саратовскій адвокатъ, что его ждетъ на крыльцѣ — красное ли знамя или штыки царскихъ солдатъ. Съ самопожертвованія онъ началъ революцію, и этотъ тяжелый крестъ несетъ на себѣ до сихъ дней.

2 марта 1917.

2 марта Керенскій явился на засѣданіе только что сконструировавшагося совѣта рабочихъ депутатовъ. Попросивъ слова для внѣочереднаго заявленія, онъ сталъ на столъ и произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Товарищи, я долженъ сдѣлать вамъ сообщеніе чрезвычайной важности. Товарищи, довѣряете ли вы мнѣ? (*Возгласы: Довѣряемъ*). Въ настоящій моментъ образовалось временное правительство, въ которомъ я занялъ постъ министра юстиціи (*Бурные аплодисменты, возгласы браво!*). Товарищи, я долженъ былъ дать отвѣтъ въ теченіе 5-ти минутъ, и поэтому не имѣлъ возможности получить вашъ мандатъ до рѣшенія моего вступленія въ составъ временнаго правительства.

«Товарищи, въ моихъ рукахъ находились представители старой власти, и я не рѣшился выпустить ихъ изъ моихъ рукъ. (*Бурные аплодисменты и возгласы: правильно!*).

«Я принялъ сдѣланное мнѣ предложеніе и вошелъ въ составъ временнаго правительства въ качествѣ министра юстиціи. (*Новый взрывъ аплодисментовъ*).

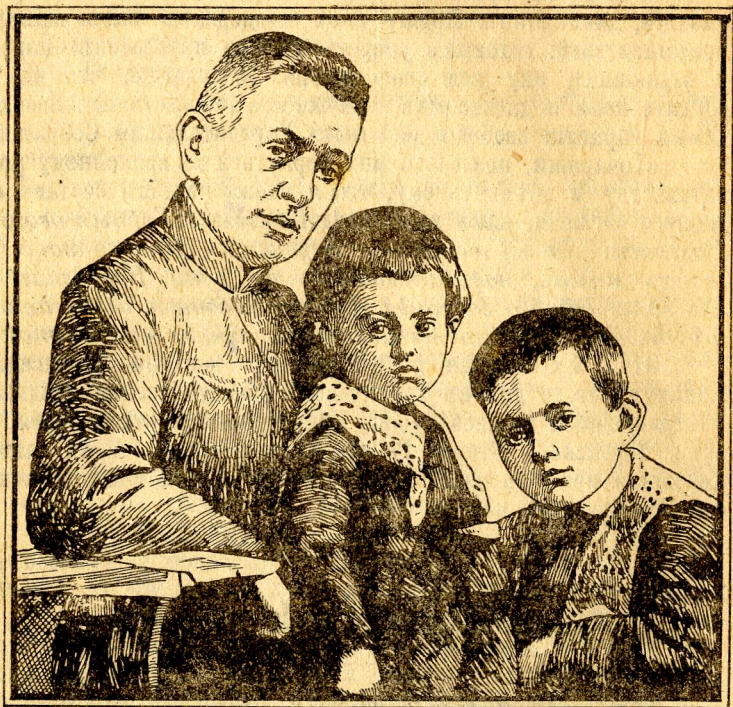
«Немедленно по вступленіи на постъ министра я приказалъ освободить всѣхъ политическихъ заключенныхъ и съ особымъ почетомъ препроводить изъ Сибири сюда, къ намъ, нашихъ товарищей-депутатовъ, членовъ с.-д. фракціи 4-й Думы и депутатовъ 2-й Думы (*Бурные аплодисменты, переходящіе въ овацію*). Освобождаются всѣ политическіе заключенные, не исключая и террористовъ.

«Я занялъ постъ товарища министра юстиціи для созыва Учредительнаго Собранія, которое должно будетъ, выражая волю народа установить будущій государственный строй. До этого момента будетъ гарантирована полная свобода пропаганды и агитаціи по поводу формы будущаго государственнаго устройства Россіи, не исключая и республики. (*Бурные аплодисменты*).

«Въ виду того, товарищи, что я принялъ на себя обязанности министра юстиціи до полученія отъ васъ на это полномочія, я слагаю съ себя званіе товарища предсѣдателя совѣта

рабочихъ депутатовъ. Но для меня жизньъ безъ народа невы-
сима, и я вновь готовъ принять отъ васъ это званіе, если
вы признаете это нужнымъ. (*Возгласы; просимъ!*).

«Товарищи, войдя въ составъ временнаго правительства,
я остался тѣмъ, чѣмъ былъ — республиканцемъ. (*Шумные
аплодисменты*). Въ своей дѣятельности я долженъ опираться



Керенскій съ дѣтьми—Олегомъ и Глѣбомъ.

на волю народа. Я долженъ имѣть въ немъ могучую поддер-
жку. Могу ли я вѣрить вамъ, какъ самому себѣ? (*Бурныя
оація. Возгласы: впримъ!*). Товарищи, я не могу жить безъ
народа, и въ тотъ моментъ, когда вы усомнитесь во мнѣ —
убейте меня! (*Новый взрывъ оацій*).

Лаврентъ Керенскій
Керенскій Александръ

2855

«Я заявлю временному правительству, что я являюсь представителем демократіи, что временное правительство должно особенно считаться съ тѣми мнѣніями, которыя я буду отстаивать въ качествѣ представителя народа, усилиями котораго свергнута старая власть. (*Аплодисменты. Возгласы: Да здравствуетъ министръ юстиціи!*)»

«Товарищи, время не ждетъ. Я призываю васъ къ организации, дисциплинѣ. Прошу васъ поддержать насъ, вашихъ представителей, готовыхъ умереть во имя интересовъ народа и отдавшихъ ему всю свою жизнь. Я полагаю, что вы не осудите меня и дадите мнѣ возможность провести всѣ необходимыя гарантіи свободы до созыва Учредительнаго Собранія.

«Товарищи, позвольте мнѣ вернуться къ временному правительству и объявить ему, что я вхожѣ въ его составъ съ вашего согласія, какъ вашъ представитель». (*Бурныя оваціи. Возгласы: Да здравствуетъ Керенскій! Всѣ встаютъ со своихъ мѣстъ, подхватываютъ на руки Керенскаго и изъ зала общаго собранія совѣта рабочихъ депутатовъ несутъ его въ кабинетъ исполнительнаго комитета*).

Это была первая рѣчь министра юстиціи Керенскаго. Наканунѣ этого дня въ Таврическій дворецъ явился блѣдный, съ трясущейся нижней губой, Протопоповъ и отдалъ себя въ руки Керенскаго. Старая Россія сдалась новой. А на завтра Керенскій принялъ власть отъ того, кто одинъ можетъ давать ее—отъ русскаго народа.

IX.

Въ министерствѣ юстиціи.

Соціалистъ и республиканецъ Керенскій, вошедшій во Временное правительство, какъ связующее звено между верхами и демократіей, занялъ въ кабинетѣ мѣсто министра юстиціи. Ему. «совѣсти народа», неустанно боровшемуся за измученную правду, народъ вручилъ и судьбу своихъ недруговъ, и свое правосудіе. 4 марта вступилъ А. Ф. Керенскій въ управленіе министерствомъ. Чего ждали отъ него тѣ осунувшіеся, потерявшіеся люди, что сидѣли въ павильонѣ Таврическаго дворца и въ Петропавловской крѣпости? Чего могли ждать царскіе министры отъ Керенскаго—министра народнаго гнѣва?

Конечно, казней, безславной смерти. Ибо слишком тяжела была ихъ вина, чтобы въ этомъ мірѣ нашлось для нихъ прощенье. Но Керенскій ихъ не казнилъ.

«Товарищи,—обратился онъ съ трибуны Екатерининскаго дворца къ гражданамъ и солдатамъ, — товарищи! Въ моемъ распоряженіи находятся всѣ бывшіе предсѣдатели совѣта министровъ и всѣ министры стараго режима. Они отвѣтятъ, товарищи, за всѣ преступленія передъ народомъ, согласно закону».

Залъ отвѣтилъ крикомъ:

— Казнить ихъ.

Это былъ голосъ народнаго гнѣва. Ему отвѣтилъ голосъ народной совѣсти, несущій миръ всему міру — голосъ А. Ф. Керенскаго:

«Товарищи, свободная Россія не будетъ прибѣгать къ тѣмъ позорнымъ средствамъ борьбы, которыми пользовалась старая власть. Безъ суда никто подвергнутъ наказанію не будетъ. Всѣхъ будетъ судить нарооный гласный судъ».

6 марта Керенскій издаетъ указъ объ амнистіи—ибо революція хочетъ видѣть своихъ вѣрныхъ сыновъ свободными, въ освобожденной странѣ. Помимо этого общаго указа объ амнистіи были еще раньше, 2 и 3 марта, особыми указами возвращены изъ ссылки члены Гос. Думы Петровскій, Мурановъ, Бадаевъ, Шаговъ и Самойловъ и «бабушка русской революціи» Екатерина Брешко-Брешковская. Амнистія распространилась не только на политическихъ: были сокращены сроки заключенія лицамъ, содержащимся подъ стражей по приговорамъ судебныхъ мѣстъ за общеуголовныя дѣянія и находящимся въ бѣгахъ, въ случаѣ ихъ добровольнаго возвращенія.

11 марта была учреждена чрезвычайная слѣдственная коммиссія для разслѣдованія противозаконныхъ дѣйствій бывшихъ министровъ и прочихъ высшихъ должностныхъ лицъ, какъ гражданскаго, такъ и военнаго и морскаго вѣдомства.

12 марта—свѣтлая дата въ исторіи русской юстиціи. Въ этотъ день Керенскій подписалъ указъ объ отмѣнѣ смертной казни. Миновалъ тяжелый кошмаръ, сотни лѣтъ давившій Россію; народъ не захотѣлъ больше крови—даже крови своихъ злѣйшихъ враговъ. Этотъ день былъ, вѣроятно, отмѣченъ радостью и въ казематахъ Петропавловской крѣпости, гдѣ ждали народнаго суда Штюмеръ, Протопоповъ, Щегловитовъ и Сухомлиновъ.

17 марта были отмѣнены розги для ссыльно-поселенцевъ и арестантовъ.

20 марта пала послѣдняя твердыня старой Россіи: были отмѣнены вѣроисповѣдныя и національныя ограниченія.

25 марта былъ заложенъ первый камень строительства новаго суда: была образована комиссія «для возстановленія основныхъ положеній судебныхъ уставовъ и согласованія ихъ съ происшедшей перемѣной въ государственномъ устройствѣ и объ учрежденіи временнаго высшаго дисциплинарнаго суда».

Выше перечислены только наиболѣе яркіе акты, являющіеся крупными этапами въ законодательной творчествѣ министерства Керенскаго. Общее же количество изданныхъ имъ приказовъ и актовъ неизмѣримо больше. Керенскій какъ будто торопился творить, торопился внести новую жизнь въ храмъ правосудія, оплеванный и поруганный владычествомъ царскихъ приспѣшниковъ.

Х.

Керенскій—военный министръ.

4 мая колесо русской революціи сдѣлало новый оборотъ: военный и морской министръ Гучковъ не могъ справиться съ тяжелой ношей, возложенной на него народомъ и вышелъ въ отставку. Военнымъ и морскимъ министромъ былъ назначенъ Керенскій.

Моментъ былъ устрашающій. Армія находилась на краю разложенія и разстройства. Желѣзная дисциплина, сжимавшая армію тяжелымъ, но крѣпкимъ обручемъ пала. На ея мѣстѣ не была еще создана новая внутренняя спайка. Довѣріе между солдатами и офицерами было разрушено. Солдаты, утомленные трехлѣтнимъ сидѣніемъ въ окопахъ, уходили съ фронта. На сѣверномъ фронтѣ собирались грозовыя тучи.

Въ это время взялъ на себя нечеловѣческій трудъ управленія военнымъ и морскимъ министерствомъ Керенскій. Онъ бросился тотчасъ же на фронтъ, чтобы силой слова поднять упавшій духъ, чтобы рѣчами поднять побороть и усталость, и страхъ, и нарушенное душевное равновѣсіе сѣрой солдатской массы. Многимъ, казалось, что трудъ этотъ напрасный, и что тщетно жжетъ себя безъ остатка Керенскій въ вѣчныхъ поѣздкахъ, въ пламенныхъ рѣчахъ.

Но случилось чудо! Слово побѣдило дѣло, и разруши-

тельная работа на фронтѣ темныхъ силъ была [парализована «стихотвореніями въ прозѣ товарища Керенскаго»]—какъ язвительно называли злопыхатели и пессимисты рѣчи военного министра.

Вступивъ въ исполненіе обязанностей военного и морского министра, Керенскій отдаетъ 5 мая слѣдующій приказъ по арміи и флоту:

«Взявъ на себя военную власть государства, объявляю: Первое—отечество въ опасности и каждый долженъ отворотить ее по крайнему разумѣнію и силѣ, не взирая на всѣ тяготы. Никакихъ просьбъ объ отставкѣ лицъ высшаго команднаго состава, возбуждаемыхъ изъ желанія уклониться отъ отвѣтственности въ эту минуту, я поэтому не допущу. Второе — самовольно покинувшіе ряды арміи и флотскихъ командъ (дезертиры) должны вернуться въ установленный срокъ 15 мая. Третье нарушившіе этотъ приказъ будутъ подвергнуты наказаніямъ по всей строгости законовъ».

Медленно и тяжело, въ мукахъ рождалась новая русская армія. Нужно было вытравить духъ рабства, инертности и безволія, привитый долгими годами желѣзной дисциплины царскаго кулака. Нужно было зажечь въ расшатавшемся организмѣ волю къ новой жизни, къ свободѣ и наступленію. Ибо только наступленіемъ можно взять свободу.

«Товарищи—крестьяне,—обращается Керенскій къ крестьянскому съѣзду,—Я пришелъ сюда въ самый прекрасный, но и въ самый тяжелый моментъ русской исторіи. Я пришелъ сюда какъ военный и морской министр. (*Бурные аплодисменты*). Наша задача, задача временнаго правительства, по волѣ русскаго народа и вмѣстѣ со всѣмъ народомъ спасти все то, что намъ дамъ дала русская революція, землю и волю. (*Бурные аплодисменты*). Русскій народъ и русская демократія уже поняли, что вопросъ земли и вопросы социальнаго благополучія массъ неразрывно связаны между собою. Вы всѣ пріѣхали сюда изъ далекихъ концовъ Россіи. Вашъ голосъ—это истинный голосъ земли. Хотите ли вы, чтобы всѣ завоеванія революціи, которыя въ вашихъ рукахъ, остались на всегда съ вами? Для этого вы должны оставаться на высотѣ своего долга. Вы должны показать всему міру, что мы можемъ не только разрушать, но и созидать въ періодъ этой великой революціи. Вы должны помнить, что заодно съ нами наши

старые учителя, они всё (Керенскій указываетъ рукой въ сторону президіума).

«Товарищи солдаты, матросы и офицеры! Я васъ зову на послѣдній подвигъ. Я вашъ послѣдній слуга. Покажите, что русская армія—это не разсыпанная храмина, это не собраніе людей, которые не хотятъ ничего дѣлать, а огромная грозная сила, которая сумѣетъ заставитьъ уважать себя и отстоять свободную демократическую россійскую республику. Покажите, что Россія не страна самодержавныхъ проходимцевъ, а дружная семья свободныхъ людей, которые сумѣютъ отстоять свою свободу и право.

«Товарищи! Я никогда не былъ въ военной средѣ. Многимъ, можетъ быть, покажется страннымъ, что я, чуждый военному дѣлу, взялъ на себя спеціально военные задачи. Но я ихъ взялъ и, надѣюсь, выполню. Я намѣренъ установить желѣзную дисциплину въ арміи. Я увѣренъ, что мнѣ это удастся, ибо это дисциплина будетъ дисциплиной долга передъ родиной, дисциплина долга чести и ея цѣль — оградить права русскаго народа, независимость и внутреннюю свободу. Мы должны во что бы то ни стало довести страну сильной и свободной до Учредительнаго собранія, которое своей суверенной самодержавной властью дастъ русскому трудовому крестьянству то, къ чему оно стремилось вѣками—землю.

«Я увѣренъ, что совѣтъ земли русской, представителей трудового крестьянства, положить на вѣсы свою тяжелую мозолистую руку и скажетъ, что онъ не хочетъ повторять печальныхъ событій 1905 и 1906 годовъ, когда вся земля уже, казалось, была въ нашихъ рукахъ, но ускользнула изъ нихъ, потому что въ странѣ воцарилась анархія. Разъединеніе въ нашей странѣ довело тогда до того, что господствующіе классы бросились въ руки государственнаго анархиста, яраго врага демократіи, Столыпина. Не повторяйте этихъ ошибокъ. Будьте осторожны и не вѣрьте безотвѣтственнымъ лозунгамъ, ибо они могутъ легко привести васъ къ пропасти. Вѣрьте тѣмъ, кто всегда былъ съ вами, и во время мрачнаго самодержавнаго режима никогда не боялся говорить правду своимъ врагамъ.

«Я намѣреваюсь скорѣ выѣхать на фронтъ. Позвольте же мнѣ сказать тамъ, въ окопахъ, что русское крестьянство хочетъ земли и воли и никому ихъ не отдастъ. Позвольте мнѣ также сказать, что каждый солдатъ долженъ оставаться тамъ на своемъ посту и исполнить свой долгъ до конца».

И Керенскій сказалъ въ окопахъ про волю крестьянъ, про волю всего русскаго народа, про свою волю. Вотъ какіе огненные слова бросаетъ онъ съѣзду делегатовъ румынскаго фронта въ Одессѣ, 15 мая:

«Нашъ общій лозунгъ — свобода, равенство и братство. Нашъ девизъ—впередъ во имя свободы, равенства и братства. Товарищи, три мѣсяца тому назадъ кто изъ насъ могъ подумать, что свобода такъ близка. Кто изъ васъ въ самой глубинѣ сердца, не чувствовалъ, что гибнуть надежды подъ проклятой пятой самодержавія? Но были ли мы тогда маловѣрны? Не думали ли мы, что русскому народу не дано совершить подвига освобожденія? Но свершилось чудо, созданное не отдѣльными людьми, а кровью и страданіями поколѣній. Мы получили возможность не только свергнуть самодержавіе, но изъ эпохи азіатскаго деспотизма мы перешли къ самому свободному строю. Если это свершилось, если школа самодержавія научила насъ ненавидѣть всякое насиліе, откуда бы оно ни шло, то, конечно, товарищи, никто изъ васъ не подумаетъ, что этого конца мы достигли, мы, люди сегодняшняго дня. Нѣтъ, мы только собрали жатву на пашнѣ, не нами засѣянной, политой кровью лучшихъ людей и тѣхъ, кто 2¹/₂ года проливаетъ кровь. Не намъ этой жатвой распоряжаться. Наша обязанность—оказаться достойными наслѣдства, которое такъ неожиданно упало намъ въ руки. Мы только хранители клада Россіи, клада государства, не государства насилія, а государства, которое будетъ жить идеями труда, идеями социалистовъ. Передъ нами великая картина культурнаго творчества, передъ которой мы должны замереть въ восторгѣ. Быть можетъ, мы начинаемъ новую эру всего міра. На первый планъ появляются черноземныя силы народа, которыя до сихъ поръ были скрыты пескомъ. Вы должны дать себѣ отчетъ во всемъ этомъ. Я пріѣхалъ къ вамъ сказать правду, какъ представитель революціонной части народа, которая должна охранять этотъ кладъ. Я пріѣхалъ къ вамъ и какъ вашъ старый товарищъ, солдаты, матросы, рабочіе, офицеры и всѣ честные граждане.

Что мы должны думать сейчасъ? Должны ли мы думать о разногласіяхъ? Должны ли мы выдвигать партійныя программы? Должны ли мы думать о томъ, чтобы быть сытыми, обутыми, одѣтыми? Нѣтъ, мы должны понять, что революціонный гражданинъ это высокое званіе, но оно не даетъ ничего

для того, чтобы устроить домашній уютъ. Еще недавно большинство падало духомъ. Казалось, старый царизмъ не только разрушилъ экономическое устройство, но развратилъ и опоганилъ русскую душу. Казалось, вѣка безправія выѣли изъ души сознаніе долга. Но эти два мѣсяца показали, какъ изъ гнили, которая поднялась и хотѣла насъ задушить, все ярче показывается зданіе русскаго государства. Эти два мѣсяца заставили тѣхъ, кто въ русскомъ народѣ видѣлъ рабовъ, пасть ницъ.

«Почему мы, выходцы изъ привеллигированныхъ классовъ, идемъ къ трудящимся? Потому, что въ нашей душѣ живетъ вѣра, что только трудъ создаетъ подлинныхъ гражданъ. Только въ трудящихся массахъ приучаются въ ближнемъ видѣть человека. Мудрость труда въ томъ, что онъ куется гражданъ, несмотря на ошибки массъ, на кажущійся хаосъ. Мы шли къ нимъ и тамъ почерпали мудрость.

«За эти два мѣсяца раздался великій лозунгъ, который охватилъ всѣхъ. Прежде чѣмъ вступить въ борьбу, нужно приготовить мѣсто для этой борьбы, нужно создать арену политической борьбы, т. е. государство. Оно должно быть построено на сильныхъ устояхъ преклоненія передъ человекомъ и его трудомъ.

«Мы пережили періодъ разрушенія. Теперь мы должны понять, что еще разъ пережить такой періодъ невозможно. На путь творчества мы должны вступить стройными рядами революціонныхъ солдатъ,—на фронтъ и въ странѣ.

«Пусть каждый изъ васъ продумаетъ прошлое и найдетъ въ себѣ достаточно совѣсти и чести,—совѣсти и чести революціоннаго гражданина, чтобы отъ всего личнаго отказаться.

«У русской демократіи два фланга. Но намъ грозитъ одинъ флангъ, серьезная сила,—тѣ люди и классы, которые солидарны въ ненависти къ новому строю. Они знаютъ путь, по которому можно уничтожить русскія свободы. Они достаточно умны, чтобы понять, что провозглашеніемъ царя ничего не сдѣлаешь, что не найдется штыка или пашки за нихъ. Но они идутъ другимъ путемъ, обманнымъ, скользкимъ, проклятымъ. Они идутъ къ голодной массѣ, развращенной старымъ режимомъ, и говорятъ ей: требуйте всего сейчасъ немедленно. Они шепчутъ слова недовольства къ намъ, всю жизнь положившимъ на борьбу съ царизмомъ. Есть идеалисты, которые смотрятъ слишкомъ въ небо, которые влекутъ

насъ въ бездну анархіи. Мы должны сказать имъ: Остановитесь. Не распатывайте устои новаго строя.

«Мы говоримъ имъ: легко критиковать, легко разрушать, но не этого требуетъ революція отъ своихъ сыновъ. Она требуетъ государственнаго разума, она требуетъ чтобы не играли людской усталостью, людской отупѣлостью отъ старыхъ лѣтъ.

«Я не говорю вамъ только пріятное. Я пріѣхалъ по долгу человѣка, отвѣтственнаго за судьбы государства и идей, которыми я всю жизнь служилъ. Мы имѣемъ право говорить правду и надо умѣть слушать ее, все, что мы завоевали поставлено на карту, и если русскій народъ, особенно русская армія не найдетъ мужества надѣть на себя стальную броню дисциплины, то мы погибнемъ. Насъ будутъ презирать тогда весь міръ. Но это не важно. Насъ будутъ презирать тѣ идеи, во имя которыхъ мы совершили революцію. И этого мы допустить не желаемъ. Вы самая свободная армія въ мірѣ, а если такъ, то ваши права накладываютъ на насъ такія обязанности какихъ никто не имѣетъ.

«Хотите ли вы, чтобы послѣ войны стѣнники германской системы внута сказали: вотъ, русская свобода показала, что значить свободная армія! Только насиліемъ можно править и побуждать! Вы должны это опровергнуть. И если вы этого не сдѣлаете, то проклянуть васъ поколѣнія. Мы не шутили собрались играть. Вспомните французскую революцію. Она была безпощадна ко всѣмъ, кто мѣшалъ ей справа и слѣва. Но мы не хотимъ повторять кровавыхъ уроковъ, мы отмѣнили смертную казнь. Наши враги сами идутъ къ намъ, ибо съ нами свободный человѣкъ.

«Но то, что говорили здѣсь, убѣдило меня, что вы сами понимаете долгъ. Я пришелъ къ вамъ не для того, чтобы краснѣть за русскую революцію, а затѣмъ чтобы броситься впередъ во имя свободы, равенства и братства.

Выражая волю русскаго народа, Керенскій суровъ съ малодушными и маловѣрными. При встрѣчахъ съ ними его голосъ звучитъ сталью и гнѣвомъ.

 Керенскій посѣтилъ одинъ изъ заамурск. полк. Заамурцы встрѣтили министра, выстроившись среди поля и взявъ винтовки на караулъ, съ красными флагами, на которыхъ было написано: «Долой войну!» и нарисованы руки для рукопожатія. А. Ф. Керенскій обойдя строй и не поздоровавшись съ

полкомъ, велѣлъ вызвать исполнительный комитетъ и командира полка.

«Почему полкъ не выходитъ на занятія?—сурово спросилъ министръ председателя комитета»—что значать эти плакаты?»

Тотъ поспѣшилъ объяснить, что полкъ желаетъ, чтобы былъ заключенъ скорѣе миръ, ибо всѣ устали отъ войны, измучились; кромѣ того они не желаютъ имѣть командиромъ полка недавно назначеннаго полковника, котораго, никто не знаетъ и хотѣли бы имѣть командиромъ одного изъ своихъ офицеровъ, котораго всѣ любятъ и которому довѣряютъ.

«Вы хотите заключенія мира,—произнесъ Керенскій, но знаете ли вы, что такой миръ былъ бы теперь позоромъ для Россіи, смертию свободѣ! Это говорить вамъ не Сухомлиновъ, а я, Керенскій. Мнѣ стыдно, что въ русской арміи я встрѣтилъ такой полкъ».

Председатель комитета и солдаты были сильно смущены. Изъ солдатскихъ рядовъ раздались восклицанія: «Позоръ, убирать флаги!». Плакаты съ надписями «долой войну» немедленно исчезли.

«Въ такомъ случаѣ,—заявилъ Керенскій,—если будетъ командиромъ полка назначено то лицо, которое вамъ желательно даете ли вы мнѣ слово, что вашъ полкъ будетъ самымъ храбрымъ полкомъ на фронтѣ и во время наступленія пойдетъ впереди всѣхъ?». Въ отвѣтъ раздалось единодушно: «Даемъ! Даемъ!».

«Господинъ главнокомандующій,—обратился тогда къ А. А. Брусилову Керенскій,—ходатайствую передъ вами о назначеніи командиромъ полка (онъ назвалъ фамилію). Я даю слово, что этотъ полкъ по первому приказанію пойдетъ въ бой впереди всѣхъ».

Раздались громкое «ура», клики: «да здравствуетъ свобода!», «да здравствуетъ товарищъ Керенскій».

«Вы слышали, что я далъ за васъ слово? Вы не сдѣлаете меня лгуномъ?».

«Не сдѣлаемъ! Ура!»—былъ отвѣтъ.

„Такъ давайте мириться, товарищи“,—закончилъ министръ,—и расцѣловался съ председателемъ комитета и командиромъ полка.

Керенскій стоитъ на стражѣ народной чести. Когда германскій главнокомандующій сдѣлалъ гнусную попытку соблаз-

нить русский народъ сепаратнымъ миромъ и отправилъ на имя петроградскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ извѣстную всѣмъ радіотелеграмму—Керенскій далъ на нее въ своемъ приказѣ по арміи и флоту слѣдующій благодарный отвѣтъ:

«22-го мая наши радіотелеграфныя станціи приняла германскую радіотелеграмму, въ которой главнокомандующій германскимъ восточнымъ фронтомъ принцъ Леопольдъ Баварскій заявляетъ, что воюющіе съ нами державы готовы заключить миръ и предлагаютъ Россіи, помимо союзниковъ, прислать уполномоченныхъ и представителей для переговоровъ объ условіяхъ мира.

Въ отвѣтъ на эту попытку вождя арміи Вильгельма и его родственника внести сомнѣнія въ ряды нашихъ революціонныхъ войскъ, петроградскій совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ издалъ слѣдующее воззваніе: «Германскій главнокомандующій восточнымъ фронтомъ обратился къ нашимъ войскамъ съ провокаціоннымъ призывомъ. Что предлагаетъ революціоннымъ войскамъ свободной Россіи генераль германскаго императора? Онъ говоритъ, будто предлагаетъ нашимъ войскамъ то, чего они жаждутъ и ищутъ—путь къ честному миру. Такъ говоритъ онъ, ибо знаетъ, что иного мира, кромѣ честнаго, російская демократія не приметъ. Но честный для насъ миръ—лишь миръ безъ аннексій и контрибуцій, а что понимаетъ подъ честнымъ миромъ генераль германскаго императора,—объ этомъ краснорѣчиво говоритъ его молчаніе. Германскій главнокомандующій говоритъ, будто онъ уважаетъ нашимъ войскамъ путь къ прекращенію военныхъ дѣйствій безъ разрыва съ союзниками. Такъ говоритъ онъ, ибо знаетъ, что открытое предложеніе сепаратнаго мира германскимъ императоромъ наши революціонныя войска отвергли съ негодованіемъ. Но что, кромѣ сепаратнаго мира, предлагаетъ намъ генераль германскаго императора? Сепаратное перемиріе и тайные переговоры съ командующими нѣмецкими войсками на восточномъ фронтѣ. Германскій главнокомандующій говоритъ, что сепаратное перемиріе не представляетъ выгодъ для Германіи. Правда-ли это? Пусть отвѣтитъ на этотъ вопросъ радіотелеграмма германскаго генерала, ибо онъ не пустился бы на провокацію, если бы продленіе сепаратнаго перемирія не входило въ планы германскаго генеральнаго штаба. Германскій главнокомандующій говоритъ о бездѣйствіи его армій на на-

шемъ фронтѣ, но онъ забылъ о томъ, о чемъ помнить Россія,—онъ забылъ о Стоходѣ, онъ забылъ о томъ, что русскія войска знаютъ, куда уведены съ нашего фронта германскія дивизіи тяжелыя батареи, онъ забылъ, что Россіи доносится шумъ кровопролитныхъ боевъ на англо-французскомъ фронтѣ, онъ забылъ, что Россія знаетъ, что разгромъ союзниковъ будетъ началомъ разгрома и ея арміи.

«А разгромъ революціонныхъ войскъ свободной Россіи—это не только новыя братскія могилы, но и гибель свободы, гибель Россіи. Мимо провокаторскихъ ловушекъ германскаго генеральнаго штаба! Революціонная демократія Россіи своимъ путемъ идетъ къ своей цѣли—всеобщему миру. Она идетъ къ этой цѣли, призывая на борьбу за миръ всѣхъ трудящихся, всѣхъ угнетенныхъ. Ея союзники въ этой борьбѣ — друзья Фридриха Адлера, приговореннаго къ смерти австрійскими судьями, Карлъ Либкнехтъ, Ледебургъ, Гаазе, стойко борющіеся съ имперіалистическими кругами Германіи, тѣми кругами, которымъ служить германскій генеральный штабъ. Ея союзники—трудящіеся Англіи и Франціи, выступившіе противъ завоевательныхъ стремленій своихъ господствующихъ класовъ. Россія взяла на себя задачу объединить демократію всѣхъ воюющихъ странъ въ борьбѣ противъ всемірнаго имперіализма. Эта задача не будетъ исполнена, если германскіе имперіалисты сумѣютъ использовать ея стремленіе къ миру въ цѣляхъ отторженія ея отъ союзниковъ и нанесуть пораженія ея арміи. Революціонная демократія Россіи черезъ международную социалистическую конференцію, путемъ прямого обращенія созданнаго ею правительства къ правительствамъ союзныхъ странъ, прокладываетъ человѣчеству путь къ миру. Пусть армія своей стойкостью придастъ мощь голосу російской демократіи, какъ передъ союзными, такъ и передъ воюющими съ Россіей странами. Революціонныя войска свободной Россіи на провокацію германскаго генеральнаго штаба могутъ дать лишь одинъ достойный отвѣтъ: Тѣснѣ сплотитесь вокругъ знамени революціи удвойте энергію въ дружной работѣ возсозданія боевой мощи Россіи. Помните—не для завоеваній нужна эта мощь Россіи, а для защиты ея свободы, для борьбы за всеобщій миръ. Такъ отвѣчаетъ русская революціонная демократія лукавымъ слугамъ Вильгельма».

Титаническая работа Керенскаго дала плоды. 5 мая онъ вступилъ на постъ военнаго министра, шесть недѣль онъ

объявжалъ фронтъ, ободряя ослабѣвшихъ, клейма трусовъ, зова «броситься впередъ, къ свободѣ равенству и братству?» И 18 іюня Россія была потрясена великой радостью.

«Русскія войска перешли въ наступленіе;—гласила телеграмма съ фронта.—Керенскій идетъ впереди войскъ».

Вотъ что говорилось въ слѣдующей телеграммѣ:

Дѣйствующая армія. 17, VI, 10 час. 50 мин. А. Ф. Керенскій прибылъ на фронтъ съ цѣлью воодушевить войска.

Передъ началомъ активныхъ дѣйствій вчера, 16-го іюня, министръ прибылъ въ Тарнополь, откуда въ автомобиляхъ вмѣстѣ съ командующими арміями поѣхалъ на фронтъ.

Объяздъ министромъ частей войскъ затянулся вчера до 2-хъ часовъ ночи. По условіямъ военнаго времени (нельзя) наименовать названіе частей, которыя посѣтилъ министръ. Ихъ было много. Керенскій говорилъ войскамъ, что наступилъ, наконецъ, часъ, когда должна рѣшиться судьба Россіи. Если наступленіе не удастся, то противникъ убѣдится тогда въ нашей слабости. Говоря передъ полкомъ, который отказался идти на наступленіе, Керенскій воскликнулъ:

— Вамъ нужна власть самодержавія, чтобы заставить васъ защищать родину!

Въ отвѣтъ войска дали клятву умереть за свободу и сейчасъ же выступили на позицію.

Во время посѣщенія Керенскимъ окоповъ ночью подъ проливнымъ дождемъ солдаты носили его на рукахъ. Сегодня Керенскій прибылъ въ полевой штабъ, расположенный въ нѣсколькихъ верстахъ отъ позиціи. Затѣмъ вмѣстѣ съ генералами Г. и Д. онъ отправился на наблюдательный пунктъ, откуда прекрасно видна подготовительная работа нашихъ батарей. А. Ф. Керенскій заявилъ что онъ въ восторгѣ отъ работы нашихъ артиллеристовъ.

Поѣздъ Керенскаго остановился въ нѣсколькихъ верстахъ отъ позиціи, въ районѣ батарейнаго огня.

Дѣйствующая армія. 18, VI, 7 час. утра. Сегодня на разсвѣтѣ А. Ф. Керенскій послѣ ночного объезда по позиціи прибылъ въ штабъ одной изъ ударныхъ армій, затѣмъ вновь уѣхалъ въ окопы.

Керенскій призываетъ войска исполнить великій долгъ передъ родиной. Въ окопахъ, подъ огнемъ непріятельскихъ батарей, происходили трогательныя сцены братанья министра

съ солдатами. Революціонныя войска горять воодушевленіемъ, готовы по первому призыву ринуться въ бой.

Присутствіе въ рядахъ передовыхъ бойцовъ Керенскаго, вызываетъ энтузіазмъ».

Керенскій одинъ двинулъ силой своего генія, огня и темперамента русскую армію. Этого никогда не забудетъ русская революція. Россія и весь міръ. Отнынѣ Керенскій принадлежитъ исторіи.

XI.

Личность Керенскаго,

Каковъ же онъ съ виду, этотъ саратовскій адвокатъ, съ неслыханной силой поднявшійся на вершины революціи и поднявшій туда русскій народъ? Герой съ античнымъ профилемъ, съ зычнымъ голосомъ и эффектными жестами?

О, нѣтъ. Этого у Керенскаго не найти.

Керенскій не только самъ горитъ, — онъ зажигаетъ все кругомъ священнымъ огнемъ восторга. Слушая его, чувствуешь, что всѣ ваши нервы протянулись къ нему и связались съ его нервами въ одинъ узелъ. Вамъ кажется, что это говорите вы сами, что въ залѣ, въ театрѣ, на площади нѣтъ Керенскаго, а это вы передъ толпою, властитель ея мыслей и чувствъ. У нея и у васъ одно сердце, и оно сейчасъ широко, какъ міръ, и, какъ онъ, прекрасно. Обозалъ и ушелъ Керенскій. Спросите себя; сколько времени онъ говорилъ? Часъ или три минуты? По совѣсти вы отвѣтите не въ силахъ, потому что время и пространство исчезли. Ихъ не было. Они вернулись только сейчасъ.

Онъ краснорѣчивъ? Нѣтъ. Часто его фразы не подають руки одна другой черезъ безпорядочныя и неожиданныя паузы. Захватывающій его перывъ заставляетъ перескакивать отъ одной идеи къ другой, которая яркимъ калейдоскопомъ, со страшной быстротой вращаются въ его воображеніи. Иногда ему некогда схватить эти вспыхнувшія магія. И онъ самъ жмурится передъ ними. Случаются періоды незаконченныя. Онъ бросилъ мысль. Ему некогда продолжить ее. Наплываютъ другія, которыхъ нельзя упустить. Но, все равно, вы поняли, а за отдѣлкой онъ не гонится. Бываютъ повторенія, когда вдругъ оборвется нить, и новый факелъ еще не вспыхнулъ во мракѣ. Полное отсутствіе рисунка и задуманности. Но въ каждомъ

звукъ бьются учащенные, сильные пульсы... иногда до боли, отражающейся судорогой въ его лицѣ. Какому рисунку, какой схемѣ поддается взрывчатое полмя пожара, — а тутъ, вѣдь, передъ вами раскрывается вулканъ и въ кажущейся неправо-вильности, безъ ритма и послѣдовательности, выбрасываетъ снопы всесжигающаго огня. Лицо его, такое обыкновенное, сѣрое, часто замученное, утомленное, дѣлается прекраснымъ и завоевываетъ, потому что на немъ сквозь багровые отсвѣты убійственныхъ анаемъ вдругъ мелькнетъ дѣтская улыбка, трогательное выраженіе всепрощающихъ глазъ.

И, уловивъ это, вы понимаете, что, одинъ изъ вождей революціи, онъ могъ и долженъ былъ отказаться отъ самаго страшнаго ея оружія—смертной казни. Онъ свято вѣритъ въ человѣка, поэтому и человѣкъ вѣритъ ему. Онъ любитъ благо-родство, ищетъ его и находить въ каждой душѣ, и каждая душа дѣлается чище, открываясь его призыву. Это—рукопо-жатіе душъ, столь сильное, что въ немъ задохнутся всякая педозрительность, сомнѣніе, колебанія, и вы очертя голову пойдете за нимъ, куда бы онъ васъ ни повелъ.

Ему несносна всякая преграда между нимъ и его слуша-телями. Онъ хочетъ быть весь передъ вами съ головы до ногъ, чтобы его отъ аудиторіи отдѣлялъ только воздухъ, сплошь пронизанный его и вашими обоюдными излученіями невидимыхъ, но могущественныхъ токовъ. Поэтому онъ знать не хочетъ кафедръ, трибуны, стола. Онъ выйдетъ изъ-за ка-федръ, вскочить на столъ, и когда оттуда протянетъ къ вамъ руки,—нервный, гибкій, пламенный, весь въ трепетъ охватив-шаго его молитвеннаго восторга,—вамъ кажется, что онъ ка-сается васъ, беретъ этими руками и неудержимо влечетъ къ себѣ.

Вы спросите: это талантъ? Нѣтъ, больше таланта! Темпера-ментъ? Нѣтъ, выше темперамента. Это, повторяю, неукроти-мая и ненасытная вѣра въ вѣчную и всемогущую правду сво-боды. Безуміе мученическаго преклоненія передъ ея священ-ными обѣтованіями. Порывъ такого стремительнаго центро-бѣжнаго чувства, который равенъ только молніи, если бы у молніи были мысль и сознаніе, куда надо ударить и что пора-зить. Такой экстазъ возносится порою къ царству смерти, и только она одна можетъ поставить къ нему красную точку.

Вы идете за нимъ, потому что ни на минуту не усом-нитесь: если онъ зоветъ васъ на подвигъ, то и самъ будетъ впереди, принимая на свою впалую грудь, узкія и слабыя плечи всѣ удары недобитаго чудовища злобной стари. Послу-

шайте, когда онъ говоритъ о врагахъ свободы, вытягивая впередъ хилую руку. Вамъ чудятся въ ней снопы такихъ молній, отъ которыхъ невольно жмуришься. А его проклятія трусамъ и малодушнымъ? Они выжигаютъ въ тайникахъ души зародыши подлости и предательства. Иногда, какъ послѣдній ударъ, онъ заноситъ надъ вами: « Всѣ слова сказаны, наступило время великой кары », — и вы понимаете, что онъ подниметъ любую палицу, какъ бы она тяжела ни была, чтобы разбить желѣзный черепъ реакціи.

На единоборство со стоголавою, ядовитою гадиной онъ выходитъ за прикованный къ утесу порабощенный народъ. За этого сермяжнаго Прометея онъ помѣрялся бы съ Зевсовымъ орломъ, но побѣдивъ, не растерзалъ бы его, а тоже отдалъ свободѣ. « Живи! »

И въ этомъ его великая слабость.

Будь онъ безпощаденъ, я бы его назвалъ щитомъ раскрѣпощенной Россіи.

Кто-то въ его обликѣ подсмотрѣлъ черты Наполеона.

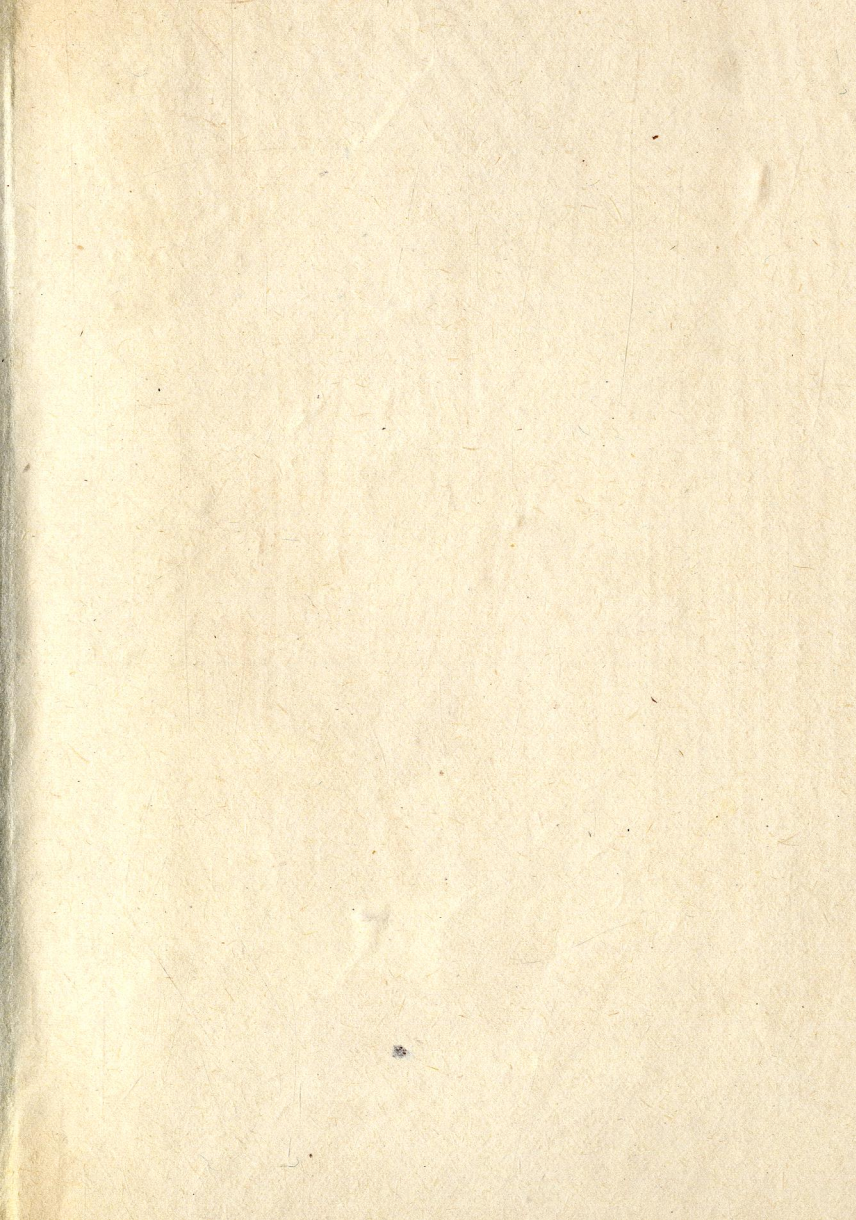
Какое оскорбленіе самоотверженному трибуну свободы! Самодовольный корсиканецъ, воспользовавшійся ею какъ коломъ для своего личнаго величія, этотъ коренастый и холодный бухгалтеръ переворота, подсчитавшій его въ свою пользу, — и Керенскій! Наполеонъ разъ вышелъ на Аркольскій мостъ. Это было экзаменомъ будущему императору. Онъ сдалъ его блестяще, чтобы потомъ уже не повторять такихъ опытовъ. Керенскій всю свою политическую жизнь стоитъ на Аркольскомъ мосту, и если бы такой Наполеонъ попался ему въ руки, онъ, навѣрное, заперъ бы геніальнаго хищника въ застѣнокъ Петропавловской крѣпости...

Благородному бойцу свободы не грезятся короны и горностаевыя мантии. Его широкой душѣ тѣсно въ этихъ пышностяхъ народной муки. Онъ отдаетъ себя всего, требуя взаимнаго такого же самоотверженнаго подъема для обездоленнаго отечества. Онъ не шадитъ себя. Изумляешься, гдѣ онъ, тщедушный, измученный, ломкій физически, какъ тростникъ, беретъ неисчерпаемую силу для работы который не выдержалъ бы любой атлетъ!...

Да, Керенскіе умираютъ за свободу, но не взнуздываютъ ее подъ свое сѣдло... Они — ея знаменосцы, а не палачи.

Трибунъ, а не кондотьеръ.

И да будетъ стыдно тѣмъ, которые въ его обликѣ подсмотрѣли черты Наполеона.



РЛ 2855

А.ф. Керенскій
НАРОДНЫЙ
МИНИСТРЪ